

ЭДИТА

Моей любимой бабушке
Грей Эдите

На краю кровати Эдита шьёт, рвёт, латает, снова рвёт. Она наверняка беспокоится о старшей, о младшей, о средней и о том, что делает: латает, режет, снова латает. Смачивает ткань грустными слезами, смуглой рукой вытирает щёки, никому не даёт себя утешать.

Эдита — одна из тех женщин, которые делают всё, что могут, и чего не могут. Она оставила раку свои вьющиеся волосы, свою левую грудь, свои самые грустные воспоминания. Оставил ему то, чего желала, потому что жизнь сохранила её, потому что она упряма, потому что она глупа, потому что Эдита — это не просто Эдита.

Это полтора метра твёрдой опоры для старика, дочерей, внучек, и на краю кровати Эдита шьёт, не зная, что такое награда, не зная, что такое слава, латает, режет, нежная, осторожная, скатерть, на которую сегодня вечером поставят гроб её отца.

ОТХОДЫ ДЛЯ УДОБРЕНИЯ

Мой отец посадил меня
в молочное семя,
Я расцвела в утробе
его тогдашней невесты,
Я питалась землёй, водой и рисом
с сыром,
Я осталась голодной.
От корня они пошли одна за одной,
один за другим,
пытаясь меня вырвать.
Поэтому эти шипы.
Чтобы похоронить себя в твоих
почках,
Чтобы остаться в отпечатках
твоих мозолистых рук,
Которым хорошо знаком пестицид
Не знаю, почему они подумали о розе,
ведь я хищное растение.

О ПЕЧАЛИ

Да, сеньор, иногда слабые становятся сильными; сильные становятся цыплятами и мочатся, и проливают слёзы, и проливают печали. Нет понимания, а перед ним — безумие. Как жаль, что мне его жалко.

Яра Дельгадо Самбрано родилась в г. Манта (Эквадор) в 1998 г., окончила Салесианский политехнический университет, специалист в области социальных коммуникаций и аудиовизуальной продукции. Писатель, журналист, участница студии «Литература в движении». В настоящее время проживает в Гуаякиле (Эквадор). Работала редактором в СМИ. Публиковалась в антологиях «Праздник плоти» (2018), «Памяти Илеаны Эспинель» (2019, 2020), выпустила книгу «Истерика» (2019) в издательстве «Кирофано эдисьонес».

Да, сеньор, мы — смесь обоих, прожорливой и решительной основы и ещё одной — чувствительной, которая растрачивается впустую, делается на горé и гибнет от засухи, и становится печалью, а печаль, ставшая горем, с недоумением становится чёрной. О, как жаль, что мне нас жалко. Да, сеньор, такие драчливые храбрецы встречаются на гребне горы и жестоко клюют тех, кто внизу. Но кто их туда поставил? Кто их короновал? Это была не я, это был не ты, это были те, кто под гребнем горы, те, кого безжалостно хлестали предрассудки, свои и чужие.

Ваше горе, ваше горе ранит меня до глубины души, потому что это было и моё горе. О, как жаль, клянусь вам, что мне жалко себя.

Да, сеньор, но всё растёт циклически, и по мере того, как вы вырастаете, вы обнаруживаете, что короны служат только для украшения пустых голов, вы также обнаруживаете, что сухая трава опасна и что она воспламеняется в считанные секунды.

Когда ты растёшь, печаль внезапно перестаёт быть такой печальной. О да, сеньор, жизнь бежит, и печаль, окружавшая вас, сегодня поднимается! И уходит! Как засуха зимой, уходит, уходит, чтобы стать ничем...

Как жаль, что загорающаяся сухая трава превращается в пламя, как жаль, что пламя превращается в пепел. О, как жаль, что мы умираем от горя.

Перевел с испанского
Игорь Елисеев